

рийских дивизий РГК, истребительных авиадивизий ПВО, дивизий ВНОС, аэростатов заграждения, прожекторных дивизий и авиационных дивизий ВВС / авт. кол.: Д. А. Цапаев (рук.) [и др.]. – М. : Кучково поле, 2014. – 992 с.

13. *Исаев, С.* Вклад войск Дальнего Востока в разгром немецко-фашистских захватчиков / С. Исаев // *Венно-исторический журнал.* – 1979. – № 8.

Е. А. Гребень

ПОВСЕДНЕВНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

Гражданское население оккупированной нацистами Беларуси в повседневной жизни сталкивалось с местной полицией гораздо чаще, чем с немецкими военнослужащими. Являясь важным звеном местной вспомогательной администрации, сформированная из жителей оккупированных территорий СССР полиция выполняла ряд задач. В статье будут охарактеризованы повседневные служебные практики полиции периода нацистской оккупации.

Рекрутирование граждан в полицию, как правило, осуществлялось на добровольной основе из числа местных жителей и бывших военнопленных, но порой районное управление могло потребовать от волостных бургомистров предоставить некоторое количество физически здоровых мужчин определенного возраста (например, 17–40 лет) [1, л. 44; 2, л. 166]. Желающие вступить в полицию подавали руководству подразделения прошение и биографию. Например, 16.11.1942 г. в Скуратовскую волостную полицию (Круглянский район) поступило прошение крестьянина, ходатайствовавшего о приеме в полицию. Гражданин 1887 г.р., уроженец пос. Круглое, до войны работал сапожником в артели, шорником в колхозе, потом вновь сапожником в деревне. Причины желания поступить в полицию не указывал [3, л. 23, 24]. Сотрудники полиции были обязаны приносить присягу, но на практике это могло происходить не сразу, и руководство районной полиции требовало от командиров опорных пунктов командировать таких полицейских в районное управление [2, л. 4]. Полицейские давали подписку в том, что обязуются добросовестно выполнять служебные обязанности, не разглашать информацию, хранить в исправности выданное имущество и не разглашать содержимое подписки [4, л. 111].

Количество полицейских в волостных отделениях варьировалось. Например, в Сутокской волостной полиции Лиозненского района насчитывалось 22 чел. [Там же, л. 201–201 об.]. В Бескатовском полицейском отряде (Городокский район) числилось 47 чел. [5, л. 5–6]. Полицейские вооружались легким стрелковым вооружением советских и иностранных систем и имели незначительное количество боеприпасов [3, л. 36]. Согласно рапорту командира опорного пункта Шепелевичи управлению полиции Круглянского

района, по состоянию на декабрь 1942 г. насчитывалось 12 полицейских (командир и 11 человек рядового состава), на вооружении которых находилось 10 винтовок [3, л. 17]. На 33 стражника 2-го взвода карательного отряда 2-го участка Кировского района в среднем приходилось от 30 до 70 патронов к советским и французским винтовкам [6, л. 103–103 об.].

Для надежного контроля подведомственной территории сил полиции не хватало, поэтому практиковалось назначение в деревнях помощников из числа гражданского населения, которые должны были помогать полицейским бороться с правонарушениями, сообщать о посторонних лицах и партизанах [7, л. 65]. В д. Якубовщина Сутокской волости Лиозненского района значилось 17 членов самоохраны (мужчины 1906–1925 гг. рождения) [4, л. 202–202 об.]. Среди сохранившихся в архивах документов волостных управ и районных отделений полиции документы о реальной деятельности таких помощников не выявлены. Очевидно, назначение мужчин в качестве помощников полиции носило формальный характер. В Городокском районе для борьбы с партизанами на основании распоряжения Городокского коменданта в марте 1942 г. были созданы специальные отряды по борьбе с партизанами (Веречанский, Пальминско-Кабищанский, Болецко-Бескатовский, Вышедский), подчиненные непосредственно начальнику районной управы. В отряды включался весь состав волостной полиции, и подчинение начальнику районной управы касалось только вопроса борьбы с партизанами, в остальных случаях волостные отделения выполняли свои прежние задачи [5, л. 67].

Помимо подчиненных районным администрациям сил полиции, существовали неподконтрольные формирования, которые оккупационные власти использовали для борьбы с партизанами. Так, в объявлении за подписью начальника Городокской районной полиции констатировалось наличие в районе так называемых «зеленовских» отрядов по борьбе с партизанами. Очевидно, речь шла о вооруженных формированиях, которые официально не были подконтрольны оккупационным властям, в то же время они были враждебно настроены по отношению к советским партизанам. Возможно, что под этим термином понимались сформированные в отдельных деревнях отряды самозащиты, не входившие в штат районной полиции. От командиров таких отрядов требовалось к 26.09.1942 г. предоставить списки личного состава и сведения о дислокации, после чего планировалась перерегистрация отряда и выдача бойцам документов, а также при необходимости боеприпасов к имеющемуся в отрядах вооружению, продовольствия и обмундирования. В случае отказа от регистрации содержалась угроза рассматривать в дальнейшем такой отряд как партизанский [4, л. 47].

Обложенное множеством налогов и повинностей гражданское население при первой же возможности стремилось уклоняться от их исполнения. В такой ситуации полиция являлась силой, с помощью которой можно было принудить крестьян выполнять распоряжения оккупационных властей. Так,

начальник Могилевской районной управы в письме к бургомистру Горянской волости 29.05.1942 г. указывал, что, несмотря на категорическое распоряжение германских властей, сдача шерсти крестьянами не выполняется, и требовал от старост деревень совместно с полицией обойти всех сдатчиков и добиться выполнения плана [8, л. 181]. Полиция регулярно привлекалась к изъятию у населения мельничных ручных жерновов, сбору подлежащей обязательной сдаче предметов военного обмундирования и амуниции, арестовывая граждан при малейшем сопротивлении, к взиманию судебных издержек и т.п. [5, л. 8, 39; 9, л. 130; 4, л. 196]. Реквизиции различных ценностей могли производиться непосредственно для нужд полиции. В ноябре 1942 г. на основании распоряжения ортскомендатуры начальник Кировского района потребовал от бургомистра Подсельской волости собрать для районной полиции (при участии самих же полицейских) 50 фуфаек, 50 пар валенок, 50 пар ватных брюк, столько же теплых шапок и 10 овчин [4, л. 2].

Глава Пропойской районной администрации в приказе от 21.07.1942 г. констатировал тотальное прекращение поступления из деревень яиц, молока и других продуктов, саботирование исполнения трудовой и гужевой повинности. Главы низового звена местной администрации и крестьяне объясняли это действиями партизан, но начальник районной управы отмечал, что партизаны в районе отсутствуют и лишь местами действуют небольшими группами, и их действия не могут служить оправданием. В создании панических настроений обвинялись командиры и сотрудники волостных отделений полиции, которых предписывалось разоблачать путем опроса населения и наказывать как пособников партизан [9, л. 72].

В служебной переписке волостных и районных отделений полиции содержатся сведения о действиях партизан, информацию о которых получали от глав местной администрации и осведомителей из числа местных жителей. Так, начальник штаба полиции Кировского района предписал начальнику участка д. Галыновка организовать негласный розыск строго ограниченным количеством людей приземлившейся на парашюте женщины. Указывались ее имя и приметы (москвичка, рост 170–172 см, стройная, темная шатенка, волосы подстрижены, костюм синий, пальто черное, коричневый свитер, серый берет, сапоги черные, имеет офицерский пистолет и военные ранцы) [4, л. 7]. Начальник Чечерского района в приказе от 5.04.1943 г. констатировал невыполнение распоряжения об организации полицейскими круглосуточного дежурства в деревнях и отсутствие лошадей для экстренной связи. Поскольку партизаны регулярно появлялись в населенных пунктах, приказывалось перевести сельскую полицию на казарменное положение с 20.00 до 6.00, волостным бургомистрам и сельским старостам организовать патрулирование деревень взрослыми мужчинами, в деревне иметь по одной связной лошади и по две в сельской управе, организовать круглосуточную охрану на берегу реки и немедленно оповещать районное управление полиции обо всех происшествиях [7, л. 206].

Партизаны и сочувствующие им лица выявлялись в ходе допросов граждан или же случайно, в ходе проверок деревень. Например, начальник полицейского отряда Круглянского района утверждал, что в результате допроса гражданина была установлена связь с партизанами его самого и дочери, а также участие в налете партизан на пос. Славное [3, л. 4]. Полицейскими Загорянского опорного пункта 03.04.1943 г. в д. Слобода был обнаружен и убит скрывавшийся в погребе партизан; при нем были револьвер системы «Наган», граната и компас [10, л. 45–45 об.].

Полиция имела списки жителей деревень, ушедших в партизаны, и членов их семей, участвовала в реквизиции имущества партизанских семей [4, л. 152–152 об.]. Так, начальник Сутокской волостной полиции Лиозненского района в присутствии агронома и старосты д. Таранки составил акт об изъятии у гражданки лошади, так как ее муж добровольно ушел в партизаны (лошадь передана Сутокской волостной полиции); 01.05.1943 г. ими же у другой гражданки, чей сын ушел в партизаны, была изъята корова и передана пострадавшему от партизан полицейскому этой волости [4, л. 198, 165]. Полицией также осуществлялся контроль за отпущенными из плена красноармейцами, которых не без основания рассматривали как мобилизационную базу партизан [5, л. 10].

Полицейские имели полномочия применять оружие наравне с немецкими патрулями против граждан, нарушающих распоряжения оккупационных властей относительно порядка передвижения. Чечерская ортскомендатура в июне 1942 г. оповестила население о запрете пользоваться лодками и ловить рыбу (под видом рыбаков на лодках плавали партизаны), и что нарушители будут расстреливаться полицейскими патрулями [7, л. 205].

В случае успешных действий по ликвидации партизан участники акций поощрялись. Согласно приказу начальника Чечерской районной управы от 03.06.1942 г. «за проявленную отвагу и храбрость» в ходе уничтожения партизан были премированы глава Дудичской сельской управы (1 000 руб.), урядник управы (500 руб.) и трое полицейских (по 300 руб.), урядник (400 руб.) и полицейский (300 руб.) Ровковичской управы [11, л. 218].

Часто командиры опорных пунктов и волостных отделений полиции в рапортах начальникам районной полиции ограничивались лишь констатацией факта появления партизан на их территории и не пытались ступить с ними в бой [3, л. 17]. Начальник Сутокской волостной полиции в рапорте начальнику Лиозненской районной полиции сообщал, что партизаны 04.11.1942 г. и 05.12.1942 г. сожгли мосты; 22.12.1942 г. констатировал появление в волости четырех партизан, вооруженных пулеметом, которые спрашивали у жителей дорогу [4, л. 160, 197].

У немецкой администрации не было иллюзий относительно боеспособности полицейских и их нежелания подвергать себя опасности в борьбе с партизанами. Чечерский комендант в приказе от 24.04.1943 г. отмечал

участившиеся случаи появления в деревнях небольших групп партизан, в которых размещались силы полиции, не оказывавшие партизанам никакого сопротивления и не желавшие их преследовать и делал вывод что, если само местное население не имеет желания препятствовать налетам партизан (очевидно, имелись в виду местные полицейские), значит оно того заслуживает, и грозил полицейским «за покровительство партизанам» военно-полевым судом, а жителям деревень – изъятием скота и продуктов за пособничество партизанам [12, л. 7].

Если работа полиции в конкретной административно-территориальной единице была организована эффективно, она могла наносить партизанам и подпольщикам ощутимый урон. В «Кратком отчете о работе Могилевского Комитета содействия Красной Армии за период от сентября 1941 г. по 10 марта 1943 г.» отмечалось, что самым опасным врагом организации и советских патриотов за весь период оккупации являлась русская полиция и ее помощники среди населения. По мнению составителя документа, борьба с немцами была бы намного проще, если бы не полицейские, которые знали местные условия, имели связи среди населения. Давалась характеристика контингента полиции: осужденные советской властью по политическим мотивам, а также лица, имеющие судимость за грабеж, кражи, хулиганство, растрату и другие преступления [13, л. 45].

Среди полицейских имела место низкая дисциплина, халатное отношение к оружию, бесцельный расход боеприпасов [1, л. 383–383 об.]. Начальник Городокской районной полиции в приказе от 04.06.1942 г. отмечал «бесхозяйственное» отношение к боеприпасам и амуниции, требовал от начальников подразделений взять оружие, боеприпасы на учет и грозил наказанием. За каждый бесцельно израсходованный винтовочный патрон полагались сутки ареста, за гранату – 15 суток, за порчу винтовки – 5 суток [7, л. 70]. Начальнику одного из полицейских участков был объявлен выговор за передачу гранаты гражданскому лицу (заведующему льнопунктом) и предупреждал всех сотрудников, что впредь за передачу оружия и боеприпасов приведет к расстрелу [5, л. 47]. Он же в августе 1942 г. потребовал от начальников подразделений ежедневно предоставлять в секретариат полиции акты об израсходовании боеприпасов с указанием количества и обстоятельств использования, в противном случае грозил прекратить выдачу боеприпасов для таких подразделений [5, л. 79].

Периодически проводилась проверка оружия, о чем делалась отметка в «оружейной книжке» [5, л. 18–18 об.]. В мае 1942 г. согласно приказу начальника Городокской районной полиции началась перерегистрация оружия и документов сотрудников волостных отделений полиции и полицейских отрядов. Был составлен график явки (25–31.05.1942 г.) из каждой волости, но не всего состава каждого подразделения одновременно, а по частям [4, л. 76].

В отношении гражданского населения для многих полицейских нормой являлись произвол и насилие. Примеры произвола и противоправных действий полицейских приводился в приказе начальника Белыничской полиции от 03.12.1943 г. В первом случае трое нетрезвых полицейских останавливали едущих в Белыничи граждан и изымали все, что находили на возах, мотивируя это приказом крайсландвирта. Полицейские Замельской волости в нетрезвом виде открыла стрельбу из ручного пулемета, перестрелялись. Арест на них не подействовал, вскоре все повторилось, в ходе бесцельной стрельбы была убита овца в сарае и обстрелян жилой дом. Старший полицейский (бывший военнопленный) зимой 1941 г. пытался застрелить на улице в г. Белыничи собаку, но попал в ногу прохожему, который остался инвалидом, систематически пьянствовал и дебоширил, врывается в барак и приставал к мобилизованным на работу девушкам, регулярно самовольно ездил по деревням. За свое поведение регулярно предупреждался начальником полиции и начальником районной управы, неоднократно отстранялся от должности, получая условный срок для исправления, но продолжил вести себя по-прежнему. Руководство приняло решение отправить его в лагерь для исправления, но, принимая во внимание наличие жены с грудным ребенком, вновь определило трехмесячный срок для исправления и разжаловало в рядовые полицейские. Приказ следовало прочесть всему составу районной полиции. В завершении начальник полиции отмечал, что самым ярым врагом является «самогон-пьянка, который доводит человека до высшей подлости» [1, л. 362–363].

Недисциплинированность, игнорирование приказов, самовольные отлучки со службы, хулиганство и другие проступки часто могли рассматриваться руководством полиции, с учетом уровня морали подчиненных, как неизбежное зло и карались относительно мягко: арест, кратковременные принудительные работы, понижение в должности, денежный штраф [2, л. 159, 167, 170]. Столь же снисходительно каралась откровенная трусость в ходе столкновений с партизанами. Например, полицейские Круглянского района, покинувшие в мае 1943 г. без команды опорный пункт из-за боязни партизан, получили лишь строгий выговор и штраф в размере месячного оклада [2, л. 170]. Регулярно отмечаемая руководством районной полиции низкая дисциплина, халатное отношение к вооружению (неудовлетворительное техническое состояние и нарушение правил хранения) и боеприпасам (отсутствие учета расхода и бесцельная стрельба ради развлечения) имела следствием лишь угрозы предания виновных военному трибуналу и в отдельных случаях каралась увольнением со службы [2, л. 157, 167].

Не отставали от своих подчиненных и командиры. Начальник Городокской районной управы 3.01.1942 г. распорядился снять с должности начальника районной полиции за неоднократные отлучки из города в волости без разрешения, где находился продолжительное время, пьянствовал, компрометируя полицию [14, л. 116].

В отдельных случаях в качестве меры наказания использовалось увольнение со службы и отправка в лагерь. Согласно приказу начальника службы порядка Круглянского района от 25.04.1942 г., начальник опорного пункта д. Александрово был отстранен от должности и отправлен в лагерь на один год за систематическое пьянство, избиение население, вымогательство алкоголя, продуктов и изнасилование. Приказ следовало зачитать перед строем полицейских в назидание остальным [2, л. 175]. 10.05.1943 г. сотрудник Круглянской полиции был уволен и отдан под трибунал за дебош в пьяном виде, стрельбу, поломку оружия (голландская винтовка), выдачу себя за партизана в глазах местного населения. Его коллега был отправлен на год в лагерь за самовольную отлучку с опорного пункта, неподчинение приказам и насилие над женщиной [Там же, л. 158]. 23.04.1943 г. к годичному заключению в лагере был приговорен полицейский за убийство гражданина, недисциплинированность, грубость, хулиганство и пьянство [Там же, л. 171].

Исключительная мера наказания в виде смертной казни, несмотря на масштабы нарушения дисциплины и насилия над мирным населением, применялась исключительно редко, но все же имела место. Так, 04.05.1943 г. на основании заключения военного трибунала полицейский 1911 г.р. (белорус, женатый) был приговорен за исключительную недисциплинированность, бандитское поведение к гражданским лицам (избиение беременной женщины, грабежи, вымогательство водки, продуктов, одежды, скота, систематическое пьянство). В приказе по службе порядка Круглянского района отмечалось, что когда он заезжал в деревни, население пряталось от него и других полицейских. Приказ следовало довести до всего личного состава районной полиции [Там же, л. 173].

Имели место переходы полицейских к партизанам, а также некоторых партизан в полицию [15, л. 45]. В одной из адресованных полицейским листовок со ссылкой на начальника Осиповичской полиции приводился пример перехода на сторону партизан четырех полицейских из пос. Свислочь, которые ночью бежали из казармы и унесли с собой пулемет и три винтовки. В назидание остальным сообщалось, что дезертировавшие полицейские на следующий же день были расстреляны партизанами на глазах у жителей одной из деревень, и содержался призыв не поддаваться воздействию советской пропаганды [16, л. 204]. У немецких властей имелись также подозрения, что отдельные полицейские снабжают партизан боеприпасами, выдаваемыми им к табельному оружию. По этой причине Слонимская жандармерия приказала произвести замену советского вооружения, имевшегося в белорусских и украинских полицейских батальонах, на вооружение иностранных систем, поскольку партизаны, как правило, имели советское стрелковое оружие [17, л. 120–121].

Подозрения в нелояльности к оккупантам, в контактах с партизанами и подпольщиками приводили к массовым репрессиям. Осенью 1942 г. в Полоцке, Витебске и Городке прошли массовые аресты сотрудников

местной администрации и полиции и членов их семей. В Полоцке были арестованы и расстреляны начальник полиции и ряд сотрудников городской и районной полиции, в Витебске было арестовано 18 полицейских, в Городке – 10 [17, л. 107 об.–108].

Обвинения в связях с партизанами могли использоваться для сведения счетов в среде самих полицейских. Так, на имя Городокского коменданта было подготовлено анонимное письмо (отпечатанное на машинке, составленное очень грамотно), в котором начальник Городокской районной полиции и его подчиненные обвинялись в совершении диверсий на объектах инфраструктуры города. Анонимный автор утверждал, что полицейские совершили диверсии, чтобы реабилитировать себя перед советской властью, спасти свою жизнь в случае прихода большевиков. Со ссылкой на одного из участников «диверсионной» группы сообщалось, что начальник районной полиции получил от партизан задание сжечь немецкие склады и нанести вред немецкому гарнизону, для чего он сагитировал начальника городской полиции, трех полицейских, следователя, начальника тюрьмы и ряд неуказанных лиц. Связь с партизанами осуществлялась через начальника Смолвской волостной полиции. Ночью 14 мая 1942 г., пользуясь тем, что немецкие офицеры, проживавшие на складе, устроили вечеринку с употреблением спиртных напитков, были подожжены склад Заготзерно и нефтебаза. Утверждалось также, что, якобы, готовилось покушение на самого коменданта [10, л. 39–40]. В 1958 г. состоялся судебный процесс по обвинению бывшего начальника Городокской районной полиции по статье 1 Закона о криминальной ответственности за государственные преступления. Ему инкриминировались аресты, пытки и участие в казнях советских патриотов, сожжение д. Радюки, что подтвердили свидетели. За свои преступления он был приговорен к высшей мере наказания [18, с. 327–328]. К указанной в анонимном письме диверсии начальник полиции и его подчиненные отношения не имели, ее организовали партизаны, поэтому анонимное письмо можно рассматривать либо как сведение счетов между самими полицейскими, которые могли быть чем-либо обижены начальником, либо попыткой партизан дискредитировать начальника полиции и ликвидировать его руками немцев [Там же, 356–357].

Таким образом, учитывая тотальное нежелание гражданского населения платить многочисленные налоги и сборы, а также низкий авторитет чиновников местной вспомогательной администрации, полиция являлась инструментом, с помощью которого оккупационные власти могли воздействовать на граждан, принудить их выполнять распоряжения об уплате налогов и выполнения обязательной трудовой повинности. Одновременно многие сотрудники полиции, включая командиров подразделений, не были мотивированы к борьбе с партизанами, ограничиваясь, как правило, наблюдением за ними, систематически нарушали служебную дисциплину и терроризировали гражданское население.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1359.
2. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1343.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1351.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1354.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1349.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1346.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1355.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1358.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1357.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1390.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1356.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1391.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1344.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 62.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 20.
18. Памяць : Гарадоцкі раён : Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / укл. С. І. Садоўская ; рэдкал. Н. А. Бурунова [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 894 с.

Д. А. Козел

ПАРТИЗАНЫ БЕЛАРУСИ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В советскую государственную наградную систему за весь период ее существования входил 21 орден и 56 наименований медалей, но высшей степенью отличия являлось присвоение звания «Герой Советского Союза». Оно присваивалось за личные или коллективные заслуги перед Советским государством и обществом, связанные с совершением героического подвига. О чем может рассказать сухая статистика о партизанах, удостоенных звания Героя Советского Союза? Прежде всего, о их вкладе в победу над врагом. Точный учет граждан, удостоенных звания Героя Советского Союза (в дальнейшем для краткости используем сокращение – ГСС), – не такая уж простая проблема, как может показаться на первый взгляд.

Уже в первые послевоенные годы очень сложной оказалась проблема точного определения числа ГСС периода Великой Отечественной войны, на который приходится подавляющая часть присвоений этого звания. Сложность обуславливалась не только большим объемом архивно-аналитической работы, но и другими серьезными трудностями. Во-первых, необходимостью